

ГРОМЧЕ, ЧЕМ ВЫСТРЕЛ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

РИАННА БЛЭКВУД

18+

Рианна Блэквуд

Громче, чем выстрел

<https://litres.ru/74478697>

SelfPub; 2026

Аннотация

Рейчел Кальдерон не планировала быть героиней триллера. Она просто хотела отомстить за мужа, которого уволили по ложному обвинению, и не подозревала, что пара фотографий чужой интрижки превратит ее жизнь в ад. Убийца идет по пятам, тела плавают от жары, и каждый вздох звучит громче, чем выстрел.

Содержание

Глава 1. В объективе камеры	4
Глава 2. Киты и акулы	18
Глава 3. Траектория пули	26
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Рианна Блэквуд

Громче, чем выстрел

Глава 1. В объективе камеры

Я сняла джинсовые шорты, и капля пота пробежала между лопаток к пояснице, где резинка чёрных кружевных трусиков уже промокла насквозь. По ощущениям, салон фургона нагрелся под 80. Весь Фриско, привыкший к океанской прохладе, сейчас плавился от жары: асфальт напоминал карамель, чайки на пирсе сидели с раскрытыми клювами, туристы вместо открыточного вида получали тепловой удар. Кондей, конечно, не работал — в подержанном «Форд» 1993 года ни одна деталь не работала как надо, с первого же дня покупки. Рич ничего не починил, хотя обещал, а я не отвезла машину в ремонт, хотя тоже обещала. Теперь я расплачивалась за это каждым сантиметром кожи. А еще ненавидела жару, ибо восемь лет прослужила в 89-м экспедиционном батальоне связи посреди Сирии, где кондиционер считался предметом роскоши, а температура в серверной поднималась до пятидесяти пяти градусов.

Я поболтала остатки воды в бутылочке и смочила пальцы, шею. Протерла от пота фотоаппарат и в сотый раз навела длиннющий объектив, купленный на распродаже списанно-

го армейского оборудования. Фургон я припарковала в переулке у Сезар-Чавес, задом к помойке корейского рестораника, откуда несло кислым кимчи. Через дорогу высилась моя цель: жилой аквариум «Эмеральд-Тауэр». Он стеклянным шприцом втыкался в плоть района, который еще десять лет назад считался рабочим, а теперь пестрел веганскими кофейнями с миндальным молочком и студиями йоги-пилатес-вставьте сами. На семнадцатом этаже хорошо просматривалась квартира 17G, не указанная в налоговых декларациях Гарри Осгуда Федерера. Я вычислила ее месяца два назад, когда перебирала массивы данных из открытых реестров с упорством трюфельной свиньи. Сейчас квартира была пуста и чиста: мраморно-белые диваны, стеклянные столики, картины того художника, который тупо рисовал квадраты из разных цветов и этим прославился.

Ни души.

Я вздохнула и включила ручной вентилятор. Батарейка окочурилась еще час назад, но иногда что-то в ней оживало, и секунд тридцать она обдавала меня призрачным эхом океанского бриза.

Утешало одно: Федерер не мог не прийти. Если у человека обнаруживается незадекларированное имущество — оно зачем-то нужно.

Федерер. Даже фамилия его звучала как название дорогого сыра с плесенью. Два года назад этот IT-гандон, основатель соцсети «Сэнди», уволил моего Рича по надуманно-

му обвинению в нарушении протоколов безопасности. Ладно бы деньги, ипотека и пятничные поездки в ресторан, но Рич впал в ДЕПРЕССИЮ. Ага. В ту самую штуку, когда человек неделями смотрит рекламу барбекю, потому что нет сил переключить каналы, и носит одну и ту же футболку, потому что нет сил ее снять. Я пробовала всё: психотерапевтов, антидепрессанты, путешествия, секс. Однажды я забралась на член Рича в костюме той девки из «Марвелл», но почувствовала, что он думал о чем-то другом, может, о тех самых протоколах безопасности — и сдалась. Наша интимная жизнь превратилась в пересохший дамасский колодец, куда я изредка бросала ведро, но доставала только песок.

Поэтому я прошерстила все, что смогла найти на Федерера, а теперь пару раз в неделю сидела в раскаленном фургоне с фотоаппаратом «Никон». Следила. План был простой и ясный, как техническая спецификация: задокументировать «грязное белье» и потом шантажировать Федерера, требуя восстановить Рича.

Федерер пока не появлялся, и от скуки я разглядывала другие окна «Эмеральд-Тауэр». Был день, все обитатели жилого комплекса, видимо, охлаждались под офисными кондиционерами в центре. В одной квартире орудовала домработница — судя по форме и унылому виду. Другую закрывал от меня рекламный щит с размытым крылом и музейной выставкой «Пределы». В третьей — женщина ублажала себя фаллоимитатором.

Что?

Я машинально подкрутила фокус и поймала в перекрестье тело — несовершеннолетнее, с животиком и маленькой грудью. Странное дело, глядя на чужую наготу, я почувствовала не осуждение и не превосходство, а зависть. У женщины в одной руке был ярко-розовый вибратор, который она медленно вводила в себя, лежа на кровати. Вздрагивал животик, сокращались мышцы бедер, женщина запрокидывала голову, открывая рот в беззвучном стоне. Это было так откровенно, так по-человечески незащищено, что у меня запершило в горле. Я вдруг представила, как лежу где-то в отеле на Карибах и трахаюсь до оргазма с каким-нибудь местным Пабло, ни о ком не думая, ни за кого не отвечая. Последний раз я испытывала что-то подобное года три назад, когда вернулась из командировки под Алеппо, и мы с Ричем занимались любовью прямо на кухонном полу, среди китайской лапши и чипсов.

Женщина, словно услышав, встала на четвереньки и продолжила свое дело. Силиконовый член помелькивал в моем объективе ярко-розовым, рот женщины приоткрывался все шире, спина выгибалась.

Ох.

Я опустила фотоаппарат на приборную панель и подергала майку. От пота к ней прилипла и спина, и обивка сиденья. Под мышками и на груди образовались пятна — никакой дезодорант не спасал, когда солнце висело прямо над го-

ловой.

Под трусиками было еще хуже, потому что я покупала их для соблазнения Рича, а не для комфорта. В голове мелькнула шальная мысль, и поначалу я отбросила ее, но потом огляделась по сторонам.

Честно говоря, мой переулок был идеален для наблюдения всем, кроме зависшего солнца. Глухие стены магазинов вырастали справа и слева, мусорные баки и забор корейцев защищали сзади. Меня не видел никто, кроме водителей проезжавших по Сезар-Чавес машин, но им пришлось бы захватить сюда и еще бороться с солнечными бликами на стекле.

Жара в фургоне стала невыносимой. Пот катился по вискам, по шее. Я осмотрелась на всякий случай еще раз и стянула майку судорожным движением. Легче не стало. Тогда, помедлив долю секунды — словно прощаясь с остатками нормальности — я стянула трусики. В промежности стало чуточку прохладнее, и я провела ладонью по лобку, чтобы стереть пот. Затем еще раз — слегка задев половые губы.

Впервые в жизни я подумала, что на слезку можно брать фаллоимитатор, а потом мой взгляд упал на ручку переключения передач.

— Ты сходишь с ума от жары, — сказала я и помахала на себя ладошкой. Проверила квартиру Федерера — там ничего не менялось. Проверила женщину с фаллоимитатором — она приставила его к стене и трахала себя задом наперед.

Головка переключателя снова притянула мой взгляд. Я

уже сильнее провела рукой по промежности и сжала ноги.

Черт, мне недавно исполнилось двадцать шесть, до ранения я была здорова как лошадь, а мой последний «типа-секс» случился с углом стиральной машинки, настроенной на тысячу оборотов.

А вокруг никого.

Я перекинула правую ногу на пассажирское сиденье и передвинулась так, чтобы переключатель скоростей оказался у меня между ног. Потрогала его рукой: гладкая поверхность, казалось, приглашала к сотрудничеству в новой сфере. Я приподнялась, правой рукой развела половые губы и медленно опустилась... мой клитор сдавила пластиковая головка переключателя, я еще немного сдвинулась, чтобы влагляще нависло точно над ручкой. Во рту пересохло, между ног приятно тянуло. Я набрала воздуху в грудь и попробовала ввести в себя переключатель... стало больновато. Я пошире развела половые губы и попробовала еще раз, но снова уперлась в преграду.

Переключатель был слишком велик.

От усилий я взмокла и села обратно на водительское. В голове мелькнула мысль про другое отверстие, но оно у меня было еще менее, хм, развито — если вы понимаете, о чем я.

Несколько раздосадованная, я взяла фотоаппарат и снова посмотрела дом. У въезда появился синий «Шевроле». Я выпрямилась и подняла объектив выше: на стуле федереровской спальни повис ворох одежды. Я мгновенно забыла и про

вибратор, и про все — вот! Вот! — на кухне 17G парочка знатно обсасывала друг другу гланды. Федерер был в светлых брюках и поло «Ральф Лорен», с залысынами, которые он тщетно маскировал зачесом. С ним пришла незнакомая девушка — не жена, это я знала точно, потому что миссис Федерер имела страницу в «Сэнди» с многочисленными фото рыжей красотки под сорокет и припиской «Член Правления». Незнакомка же едва достигла двадцати пяти, волосы ее блестели чёрным, а фигура, как и у меня, предполагала регулярные занятия кроссфитом.

Я сделала пару снимков, стараясь, чтобы лицо мужчины вышло четче, и переключилась на девушку. Тут пара плавно двинулась прочь от окна, исчезла на минуту-другую и появилась уже в спальне.

Они начали поспешно срывать с себя остатки одежды, а я фотографировала. Федерер — любовница. Федерер. Любовница. Щелкал затвор, капельки пота сбегали с висков к моей промежности.

Когда обоим уже полагалось нырнуть в постель, девушка встала перед Федерером на колени и обеими руками взяла снизу-сбоку свои груди. Я подумала, что легко угадаю продолжение, но ошиблась. Федерер провел по соску девушки головкой пениса, вложил его между ее грудей и задвигался. Я смотрела на это и тупо не могла оторваться. Федерер двигал тазом, член елозил между грудей девушки, а она слегка полизывала его головку, едва он приближался к ее лицу.

— Да уж, вы умеете проводить обеденное время, — сказала я парочке сдавленным голосом и сделала еще несколько снимков.

Внутри меня поднималась знакомая смесь отвращения, возбуждения и зависти. Я ненавидела этого человека за увольнение Рича, но не могла отрицать, что сцена передо мной имела какую-то животную, притягательную энергию.

Машинально я стиснула ноги и не удержалась — сунула руку в промежность, где намокло уже не только от пота. Мои пальцы коснулись клитора, и тело вздрогнуло. Я не делала этого уже несколько месяцев — всё как-то не было ни времени, ни желания, ни пространства. А теперь я позволила себе распуститься. Лизнула свои пальцы, провела ими по половым губам, собирая густую белесоватую жидкость. Затем подняла руку выше и сжала грудь.

По телу разлилось что-то острое и пряное. Я охнула. Мои ягодицы прилипли к кожаной обивке сиденья и, когда я пошевелилась, оторвались с легким скрипом.

Я навела объектив на Федерера, на лицо девушки. Та выглядела озорной и слишком молодой для этого кабана. И все же его член скользил между ее грудей, а она полизывала его, а я трогала себя между ног, сдавливала себе соски, вводила пальцы в свою дырочку.

Сначала это были простые круговые движения, потом я касалась уже глубже, сильнее, пока мое дыхание не стало прерывистым, как у астматика, забывшего ингалятор. Я по-

думала о Риче, о его апатичном теле на диване. Раньше он целовал меня в шею и шептал непристойности, и эти воспоминания — горькие, невыносимые — вдруг превратили обычное возбуждение в острую, почти болезненную потребность. Я задвигала рукой быстрее: клитор, дырочка, живот, грудь; пальцы впивались в плоть, оставляли красные следы. Тело пульсировало, мышцы напрягались, а мир сужался до одной-единственной точки невозврата.

Федерер в квартире тоже ускорился. Девушка что-то говорила — я не слышала слов, но видела, как открывается ее рот навстречу его члену. Мы двигались вместе, как две детали разнесенного в пространстве, но отлаженного механизма. Я почти дошла. Мои бедра поднялись навстречу собственной руке, спина выгнулась, в горле застрял стон.

Вдруг что-то брызнуло на лицо девушки, и та замерла. Я тоже замерла — брызги были темно-красные.

Поначалу я даже не поняла, что произошло. Просто на том месте, где недавно торчал профиль Федерера с залысинами, возникло красное облако, а тело обмякло и сползло на партнершу. Девушка беззвучно закричала, я рефлексивно отдернула руку от промежности и вскочила, ударившись головой о низкий потолок фургона. Боль отрезвила. В висках стучало. Я схватила камеру и снова навела объектив. Тело Федерера лежало на полу в луже крови, девушка судорожно отползала прочь, как краб, размазывая красное по мраморно-белому дивану и собственным бедрам. Чуть ниже и ле-

вее, в расфокусе, стекло на окне покрылось сеткой трещин. В центре виднелось аккуратное отверстие. Профессиональный выстрел, подумала я с той отстраненностью, которая появилась у меня с первого ранения.

Снайпер.

Когда я опустила фотоаппарат, в мой переулок уже сворачивал полицейский патруль. В животе все смерзлось, волосы стали дыбом.

— Этого не может быть, — сказала я себе, но патруль издал кричающий сигнал и остановился. Дверца приоткрылась, из него тяжело вылез полицейский и направился ко мне.

Ко мне.

Зачем патрулю я?

Почему именно сейчас?

Я смотрела, как полицейский приближался, а на мне была только смазка из моего же влагалища.

Блядь. Блядь-блядь-блядь.

Я заметалась в тесном пространстве, хватая разбросанную одежду. Трусы нашлись под водительским сиденьем, майка — на панели приборов. Шорты я натягивала прыжками, словно кенгуру, получившее удар током.

Полицейский, кажется, заметил возню через лобовое стекло и даже приостановился. Внутри меня что-то вопило, но разум твердил: коп не видел меня ниже пояса. Он вообще толком не видел меня из-за солнца. Я спрятала фотоаппарат под сиденье, осмотрелась — ничего подозрительного:

сумочка, моток кабелей, контейнер со штекерами и инструментом для обжимки.

— Мэм? — обратился коп подойдя.

— Ага-ага.

Голос предательски дрожал. Я распахнула дверцу фургона, стараясь принять максимально непринужденный вид, что было сложно с пульсом около ста двадцати.

— Жарковато, да? — добавила я и прикрылась ладошкой от солнца. Ноздрей коснулся характерный запах собственной дырочки.

Полицейский критически оглядел меня, затем салон.

— Офицер Снейлер. Документы.

Я открыла бардачок и достала права из-под смятой упаковки чипсов. Полицейский приподнял черные очки и вчитался в карточку. Лицо у него было немного квадратное, на мой вкус, но с какими-то особыми голубыми глазами и старомодными бакенбардами.

— Ветеран? — проговорил он наконец с каким-то сомнением.

— Специалист по боевой документации и производству, но вообще, чем я только не...

— Могу я поинтересоваться, — с нажимом прервали меня, — что вы тут делаете, старший сержант Кальдерон?

— А в чем проблема?

— Вы припаркованы в зоне, запрещенной для коммерческого транспорта.

— Я просто... У меня тут технические работы. Проверка линии. Оптоволокно. — Я махнула рукой в сторону люка, который вел в подземные коммуникации. Люк выглядел как обычный канализационный люк, не имеющий к оптоволокну никакого отношения.

Офицер Снейлер вопросительно выгнул бровь, затем отошел назад и перевел взгляд на борт «Форда», где тянулись провода в логотипе интернет-провайдера «Селтик».

— Моя фирма. — Я кивнула. — Как говорится, чему только в армии не научишься.

Вообще, тут я не врала. У меня был симпатичный сайт о подключении интернета по «демпинговым ценам». Не знаю, как обстояло дело с остальными провайдерами, но пару раз в неделю я получала реальные заказы и худо-бедно находила нам с Ричем на пропитание.

— Вы, кажется, занервничали, когда я направился к вам, — заметил полицейский, возвращая права.

Десятки ответов пронеслись в моей голове, которая за годы службы научилась импровизировать в самых безумных ситуациях. Был даже случай, когда ей пришлось объяснять командованию пропажу спутникового ретранслятора стоимостью два миллиона долларов. Но выдала я самое нелепое, что пришло в голову: стригла ногти.

— Мм? — удивился полицейский.

Я достала из бардачка пакетик, оставшийся от чипсов, и потрясла.

— Стригла ногти. На ногах. — Я показала на свои кроссовки. — У меня педикюр раз в месяц. А дома муж, Рич, не выносит этот звук. Говорит, как от пенопласта по стеклу. Вот я и делаю это в фургоне.

Полицейский несколько отодвинулся от пакетика, но, кажется, не поверил. Это читалось по его лицу — усталому от жары, но все еще способному к базовым логическим операциям.

— Мэм, сейчас я сообщу своим, что проверил подозрительную машину у Сезар-Чавес и ничего не нашел. Вам же советую уехать отсюда в ближайшие десять минут, иначе вернусь и выпишу штраф. Вам ясно?

— Да, офицер. Спасибо, офицер. Мизинчик достригу, и как не было.

Я присвистнула, изображая скорость, с которой покину район. Офицер Снейлер, видимо, этого не оценил. Он покачал головой, вернул черные очки на свои голубые глаза и пошел обратно к патрульной машине.

Кондиционер не работал, солнце палило. Я сидела у открытой двери фургона, чувствуя, как липкая смесь пота и собственных соков млеет на внутренней стороне бедер. Стыд накрыл меня только сейчас — не за ложь, нет, а за то, что пять минут назад я едва не кончила, глядя на чужой секс. И остановило меня только убийство!

Убийство! Я же не извращенка какая-то!

Минуты через две самобичевания я выдохнула, включила

зажигание и медленно выехала из переуллка. В зеркале заднего вида «Эмеральд-Тауэр» уменьшался, становился игрушечным. Скоро он исчез за поворотом, и только красные пятна на моей сетчатке напоминали о недавнем убийстве.

Глава 2. Киты и акулы

Трясти меня начало ближе к дому.

Я остановилась за улицу от нас и включила «пустыню» — трюк, которому учил нас один морпех. Не помню, как он объяснял смысл всего этого действия, но я представляла вечерние барханы: красноватые отсветы заката, легкий ветер, зелень вдалеке.

Это всегда немного успокаивало, помогло и сейчас, так что остаток пути я проделала увереннее и припарковалась, не задев соседский забор. Мы с Ричем владели двухэтажным домом, гнездышком современного типа на краю Бэй-вью-Хантерс Поинт. Хозяева свалили куда-то в Португалию или Испанию, или куда там еще уезжают зажиточные американцы среднего класса, так что моей льготы от Министерства ветеранов и тогдашней зарплаты Рича хватило на сделку.

По утрам в районе пахло гамбо, по ночам кто-то обязательно жег чьи-нибудь покрышки. Словом, для двадцати шести место было неплохое.

Все было неплохо до увольнения Рича.

— Я дома! — проорала я, пересекая порог и швыряя ключи на положенную им полочку, всю издолбанную такими бросками до состояния папье-маше.

Из гостиной шел привычный звук: телевизор работал на канале «Путешествия», где диктор с голосом, похожим на

скрежет гравия, рассказывал об акулах. Рич вяло кивнул мне, пошевелил пальцами в тапочках и снова уставился в экран. Он сидел на бледно-зеленом диване, который мы купили на распродаже в «Икее» лет пять назад. Теперь он хранил форму задницы Рича, как слепок гипсовой маски, снятой с мертвеца.

— Как дела? — спросила я, будто не наблюдала сорок минут назад убийство и не была покрыта смесью пота и вагинальной смазки.

— Угу.

И все. С полочки для фотографий за нами скептически наблюдала фигурка «Сэнди» — буква S в немного опущенных чёрных очках и с маленьким смартфоном. Федерер дарил ее всем подчиненным, знакомым и друзьям на Рождество, а Рич до сих пор отказывался выбросить, хотя не принадлежал уже ни к одной из этих категорий.

Акулы плыли сквозь толщу воды, Рич смотрел на них, полуутонув в недрах старой футболки с надписью «Мичиганский университет». Иногда ему становилось чуть лучше, когда его психотерапевт Натали прописывала антидепрессанты, но потом Рич скатывался обратно в состояние амебы.

Зато он был красив.

Я закинула фотоаппарат в мансарду, которую использовала для рабочих инструментов, и взяла гимнастический коврик. К йоге я пристрастилась после реабилитации — она не только восстановила подвижность левой ноги, но и здорово

успокаивала. Пару раз в неделю я разбавляла занятия кроссфитом, но сейчас адреналина хватало с головой.

Пропотев и продышавшись под кондеем, я направилась в душ. Мне так хотелось смыть с себя дневную пыль, пот и озноб от убийства Федерера, что под струями я стояла с полчаса. Горячая вода текла по позвоночнику, по бедрам, по ягодицам. Я взяла жестковатую мочалку, купленную мне Ричем вместе с розовым шампанским на Рождество, и начала тереть свою левую руку. Потом правую. Потом грудь, соски, которые, вопреки здравому смыслу, тут же затвердели от прикосновения. Я смотрела, как мыльная пена стекает по животу, по бедрам, по внутренней стороне ног, и не могла остановить свою руку. Мочалка двигалась медленно, почти ритмично, и между ног снова становилось влажно — не от воды, а от того самого: древнего, животного. Перед глазами плавали куски утреннего действа: жара, груди девушки, сквозь которые просовывался член Федерера, выстрел снайпера. В душевой сделалось так душно от горячей воды, что меня повело. Я поспешно завернула вентиль и постояла с открытой дверцей, дрожа, облепленная мокрыми волосами. Со мной творилось что-то неладное. Или незнакомое. Или... Короче, я надела чистую майку и трусики и красная, ошалелая, на подрагивающих ногах спустилась в гостиную. Рич сидел на том же месте, смотрел ту же передачу про подводный мир.

Я почувствовала, как внутри меня что-то сжалось. Не рев-

ность к акулам-молотам, нет — скорее, жалость к себе, смешанная с раздражением, которое уже несколько месяцев копилось в груди. Мне хотелось орать, материться, но я промолчала и опустилась на диван в позе по-турецки. Несколько секунд я честно пыталась понять, что Рич находит в заплывах сельдяных косяков. Это была загадка почище египетских пирамид. Наконец, я взяла его руку и сунула себе в трусики.

Рич с некоторым удивлением покосился на меня. Я наклонилась и поцеловала его в шею. Там, где билась жилка, и Рич вздрогнул. Его свободная рука, лежавшая на подлокотнике, сжалась в кулак.

— Привет, — сказала я и задвигала тазом, все больше намокая и возбуждаясь. — Поласкаешь мою грудь? — спросила я хриплым голосом.

— Э? — ответил он.

Вместо ответа я погладила его член под штанами. Тот был мягок и безжизнен.

— Поласкай мою грудь, — я опустилась на колени перед Ричем и стянула с него штаны вместе с трусами, — а потом закажем чипсы с солью.

— Рейчел... — начал он сипло.

Я приложила палец к губам, сняла майку и наклонилась вперед, чтобы сосок моей правой груди скользнул по стволу Рича. Тот слегка дернулся навстречу.

— Рейчел!.. — громче повторил Рич.

— Тсс, — сказала я и прижала головку его члена к своим

набухшим половым губам.

Рич дернулся как от удара током, но ствол его затвердел.

Я принялась двигаться по нему вперед-назад, потирая им клитор. Между ног стало тепло и сладко. Я улыбалась от власти, от контроля, от мысли, что все-таки могла заставить тело мужа реагировать, даже если его разум уехал в Марианскую впадину.

— Ре... Рейчел! — сипло проговорил Рич, но свободной рукой я заткнула ему рот и продолжила тереть свою промежность о его член.

Вены на нем набухли. Головка увеличилась, и я уловила запах... какой-то странный... силиконовый?

— Рейчел, нет, погоди! — Рич весь напрягся и попытался меня отодвинуть, но я задвигалась сильнее. — Ре... Я переспал с Натали!!!

Сперма тоненько, как будто это было не в первый раз за сегодня, выплеснулась мне на лобок. Еще секунду или две я продолжала машинально ублажаться об Рича, а потом застыла. Мороз прошел по животу.

— С Натали? — тупо переспросила я.

Рич отвел взгляд. Его член дернулся еще раз, и капля спермы попала мне на живот.

— У которой зубы как у пирании?

— Рейч, так нехорошо говорить... — он осекся под моим взглядом.

— Ты всегда смеялся, когда я так говорила, — тихо про-

говорила я, словно это что-то меняло, и отпустила его обмякший член.

— Не всегда. То есть... — Рич принялся убирать свое хозяйство в трусы. — Утром звонили из банка по поводу просрочки платежей...

— Я же обещала разобраться!

— Ты всегда обещаешь, но... — Тут он прямо отшатнулся, видя мое возмущение. — Меня придавило... я позвонил Натали... у нее был свободный слот. Я хотел, чтобы она выписала те таблетки, ну, у меня еще не было побочных на них, а она села рядом и погладила меня по голове... ты никогда не гладишь меня по голове...

Последнее Рич закончил с некоторой обидой и уставился мне в глаза.

Я встала как во сне и натянула майку. Сперма капала с лобка на пол. Я села на диван, вытаращилась в телек, который повествовал о зубных пластинах белых китов.

— Рейч? — позвал Рич.

— Да?

— Мне... мне уйти?

Я понимала, что должна злиться, но не чувствовала ничего, кроме силиконового запаха. Запаха презерватива, который Рич надевал с Натали.

— Нет, — сказала я и встала. — Пойду поработаю.

Поднимаясь в мансарду, я представляла, как Рич покупал презерватив, чтобы переспать с психиатром, когда со мной

не спал уже несколько лет.

С психиатром, блядь.

Да, Рич был красив, богемно красив, и абсолютно для меня бесполезен, как псевдоафриканская пластиковая маска из бросового магазина.

И все же он был мой муж.

Я развернулась и ринулась обратно.

— Мы справимся, — сказала я, но эти слова прозвучали фальшиво.

Рич ничего не ответил. Он просто отвернулся к стене, и я подошла к нему сзади, положила руки ему на плечи.

— Мы справимся, — повторила я. — Ты меня слышишь? Я не позволю какой-то вшивой психиатрической шлюхе, которая, наверное, спит со всеми пациентами, забрать тебя. И я не позволю банку забрать этот дом. Потому что это наш дом, Рич. Наш.

Рич ничего не ответил. Он просто посмотрел на меня, и в его глазах я увидела какое-то незнакомое выражение.

В этот момент в дверь позвонили.

Я вздрогнула и посмотрела на часы — без десяти десять. Кого могло принести в такое время? Рич направился в туалет, видимо, мыть свои прелести, а я наскоро натянула халат с розами и пошла к двери. На пороге обнаружили двое — мужчина и женщина, оба в патрульной форме, с профессиональной вежливостью на угрюмых лицах.

— Рейчел Кальдерон? — спросила женщина.

— Да, — ответила я, и пол начал уходить из-под ног.

Не застукали же меня у дома Федерера?

Или застукали?

Но с оружием же!

— Могли бы мы поговорить с вашим мужем?

Вместо ответа я оглянулась и увидела Рича, выходящего из туалета. Увидела его и женщина-коп. Не спрашивая, она шагнула мимо меня, достала наручники и громко проговорила:

— Ричард Кальдерон, мы вынуждены задержать вас по подозрению в убийстве Гарри Осгуда Федерера.

Глава 3. Траектория пули

В зале суда пахло так, будто кто-то выварил в хлорке старый библиотечный архив, а потом приправил это вонью кофе из автомата и потом присяжных. Кондиционер гнал по щиколоткам ледяной воздух, и мои ступни в балетках — единственной приличной паре, которую я нашла в шкафу — онемели уже минут пятнадцать назад. Так что я сидела на жесткой деревянной скамье, тискала в руках сумочку из экокожи и изо всех оставшихся сил пыталась изображать хорошую жену хорошего человека.

Рича ввели в наручниках. За последнюю неделю его будто пропустили через стиральную машину в режиме отжима: серая щетина, мешки под глазами, тыквенно-оранжевый комбинезон на плечах. Рич мазнул по мне взглядом и уставился в стену. Ни следа парня, который семь лет назад трахал меня на заднем сиденье «Ниссана» под шум океанских волн.

Прокурор — женщина с химической завивкой и голосом пилочки для ногтей, — с полчаса зачитывала обвинительное заключение. Я быстро устала слушать и ловила только звуковые пики: «Многочисленные анонимные угрозы в адрес Федерера, авторство которых легко определяется по IP-адресу». «Запретительный судебный приказ после инцидента в супермаркете». Мой желудок сжался. Рич толкнул Федерера? Мой Рич? Который последние полгода не мог подняться

с дивана, чтобы вынести мусор?

«Фургон Форд 1993 года, зарегистрированный на имя Ричарда Кальдерона, был зафиксирован камерами видеонаблюдения в районе «Эмеральд-Тауэр» за сорок минут до убийства». Я перестала дышать. Они говорили про мой фургон. Тот самый, в котором я мастурбировала, пока Федереру сносило полчерепа снайперской пулей. Камера зафиксировала номер «Форда». Камера, мать ее, зафиксировала.

Я сжала сумочку так, что ноготь большого пальца прорвал эконожу. Внутри меня поднялась волна тошноты, забулькала в районе горла, и тут все закончилось. Судья — лысый мужчина с огромным кадыком, — назначил дату следующего слушания и отказал в освобождении под залог.

— Все свободны.

Рича увели.

Я встала, чувствуя, как непривычные балетки натерли мизинец, а ягодицы онемели от жесткой скамьи. Нужно было идти в туалет и наклеить пластырь, но я не могла заставить себя двигаться. В голове крутилось одно: пока Рич дегустировал тюремную баланду, где-то по городу бродил реальный убийца Федерера.

— Миссис Кальдерон, — подошел ко мне мужчина в сером костюме. — Джей Сальва, я занимаюсь вашим делом... вашего мужа. Пройдем на пару вопросов?

Допрашивали меня допоздна, так что на место преступления я вернулась только на следующий день. Утренний туман — тот самый, со своим аккаунтом в «Сэнди» — приполз с океана и повис на холмах Фриско, как влажная марля. Синий «Шевроле» Федерера стоял там же, где и в день убийства. Я припарковала взятую напрокат «Тойоту» — мой фургон с пятнами моих же выделений конфисковали как вещдок — и обошла «Эмеральд-Тауэр» по периметру, задрав голову. Через три минуты мои волосы намокли и прилипли к вискам, по позвоночнику поползла струйка воды.

Стеклянный фасад тонул в тумане, будто гигантский надгробный камень. Семнадцатый этаж, квартира 17G. Окно спальни. Я вспомнила, как стоял Федерер, когда его голова превратилась в красный фонтан. Пуля вошла слева, снизу.

Откуда?

Я поднялась на 17 этаж «Эмеральд», показав сумку с инструментами охране и нагородив что-то про маршрутизацию сигнала. Там вышла на видовой балкон в сторону Сезар-Чавес-стрит и дождалась, пока туман рассеется. Федерер был шесть футов и два дюйма, я — пять и семь. Я опустила лазерный указатель на семь дюймов от своей макушки и включила. Спасибо боевой подготовке и базовому курсу баллистики: красная точка пересекла Сезар-Чавес, юркнула мимо бизнес-центра и через холм... уперлась в жилой комплекс из красного кирпича. Из низины за холмом выглядывало всего

три верхних этажа — даже если страдала моя точность вычислений по горизонтали, опросить нужно было не так уж и много квартир. Я представила, как снайпер, лежа на полу или на столе, наводит оптический прицел на висок Федерера, и от этой картинки скрутило живот.

Я спустилась на первый этаж, перешла под палящим солнцем дорогу и по Лестер-стрит поднялась на холм. За ним открылось то самое кирпичное здание: мрачноватого вида, с балконами в шахматном порядке. Оно пахло выхлопными газами и дрожжевым тестом из пекарни на углу.

Купив себе кофе со льдом, я пошла по квартирам — методично, этаж за этажом, дверь за дверью: звонок, улыбка, фраза. «Здравствуйте, я из интернет-компании, мы проводим опрос жильцов в связи с обрывом линии. Не замечали вы необычных звуков, необычной активности, новых соседей?» Люди смотрели на меня с тем особым подозрением, которое в Фриско выработалось у всех после пяти лет джен-трификации и трех волн квартирных краж. «Нет, мы ничего не слышали». «Нет, посторонних не видели». «Нет, мы здесь живем десять лет, у нас собака, она лаяла, но она лает всегда, это же собака, а не мангустин, вы не представляете, как трудно с этой собакой, когда она лает».

На четвертом этаже кто-то нацарапал сердечко с именем «Тина» и датой 1987. Вряд ли так звали старуху в халате, из-под которого выглядывали варикозные щиколотки — судя по белесым радужкам, она уже давно ничего не видела. Ря-

дом жила молодая пара с младенцем, который орал так, что я не слышала собственных мыслей. В угловой квартире никто не отзывался, но через дверь доносился звук телевизора. На пятом этаже мне открыл мужчина с татуировкой арийского братства на шее. Он осмотрел меня с ног до головы, задержавшись взглядом на груди, и я почувствовала, как соски твердеют под футболкой.

Ничего. Никто ничего не знал. Полиции об этом уже ска-
зали.

Я устала, и от разочарования у меня разболелась голова. Конечно, полиция в первую очередь занялась баллистикой и вычислила все то же, что и я, только быстрее и точнее. Сев прямо на ступеньки — холодный бетон обжег ягодицы даже через шорты, — я открыла на телефоне карту. Airbnb, Booking, Craigslist. Квартиры, сдающиеся посуточно. Я пролистывала объявления, ощущая капельки пота на пояснице, пока не наткнулась на нужное: «Уютная студия в тихом районе рядом с Сезар-Чавес. Без документов. На любой срок. Достаточно перевода».

Метка карты стояла точно рядом с моей.

Я набрала номер. Гудок. Еще один. Затем зазвучал мужской голос — низкий, мелодичный баритон, от которого у меня сжался низ живота:

— Алло?

— Здравствуйте, я по объявлению. Квартира на Лестер?
Вы на каком этаже?

— Она самая. — В голосе мелькнуло что-то вроде улыбки.
— На четвертом.
— Окна на Сезар-Чавес?
— Целый балкон. Когда хотите посмотреть?
— Сегодня... — Я замялась. — Сейчас? Я уже на месте.
— Буду через 20 минут.

Он встретил меня у лифта: за пятьдесят, приятный, в светлых льняных брюках и белой футболке, сквозь которую просвечивали контуры грудных мышц. Русые волосы с легкой сединой падали на глаза. Пах он сандалом и цитрусовыми — гелем для душа, который покупают в бутиках, а не в супермаркете. На этом фоне мой собственный аромат — пот, тревога, остатки утреннего дезодоранта — показался мне отвратительным.

— Алекс, — сказал он и протянул руку. Ладонь была сухой и теплой. Моя — в тоненькой хозяйственной перчатке, чтобы не оставить «пальчики», если полиция пойдет такой же версией событий.

— Рейчел, — ответила я и почему-то покраснела.

Мы прошли в квартиру — ближнюю, сразу у лифта. Было душно и влажно, из-за холма с лентой дороги на нас смотрел «Эмеральд-Тауэр». Я прикинула расстояние, угол, и в самом деле нашла стол, удобный для снайпера. Перила балко-

на не мешали, и окно Федерера, сейчас затянутое красно-белой лентой, прекрасно просматривалось.

— Все открывается? — уточнила я.

Алекс лениво дернул ручку и продемонстрировал, что оконная фурнитура работала как швейцарские часы. С улицы повалил горячий воздух, и Алекс поспешно включил кондей. Тем временем я осмотрела стол и нашла, кажется, пару крупинок пороха.

— Мне нужна информация о том, кто арендовал квартиру в районе двадцать пятого числа.

Алекс наклонил голову и улыбнулся. Улыбка была приятной, но что-то в ней заставило меня насторожиться — как если бы вы увидели кота, который слишком долго смотрит на канарейку.

— Информация, — повторил он, смакуя слово. — Угу. И замолчал.

Что, блядь, это значило?

— Я заплачу. Сколько?

Алекс подошел ближе и наклонился к моему уху. От дыхания — теплого, пахнущего сандалом, — по моей шее побежали мурашки. Он что-то прошептал, но я не разобрала слов — только вибрацию его голоса, которая отозвалась где-то в позвоночнике.

— Что? — переспросила я неуверенно.

Он снова наклонился и прошептал — на этот раз медленнее, так что каждое слово отпечаталось в моем мозгу клей-

мом.

Я отшатнулась и чуть не споткнулась о край ковра.

— Вам что, пятнадцать?

— Возможно. — Алекс пожал плечами и отошел к окну.

— Но информация нужна тебе.

Я ушла и хлопнула дверью так, что задрожал электрический щиток между квартирами. Из лифтовой панели для вызова на меня уставилось отражение: покрасневшие щеки, бешеные глаза, мокрая футболка с принтом «Расслабься». Кабинка приехала со звоном. Я вошла, нажала кнопку первого этажа и подумала о Риче в тыквенном костюме заключенного. Потом — о себе в костюме супергероини. О женщине в окне «Эмеральд-Тауэр», трахающей себя розовым вибратором. О ручке переключения передач, которая оказалась слишком большой для моего влагалища. О том, что мой последний нормальный оргазм случился на кухонном полу, среди китайской лапши.

Лифт остановился. Я вышла в вестибюль. Сделала три шага к выходу и развернулась.

«Да к черту, — сказала я себе, снова подходя к лифту и нажимая кнопку «вверх». — Личная жизнь все равно не удалась».

Лифт едва полз, я плюнула и пошла на своих двоих.

Несколько лестничных пролетов спустя Алекс открыл дверь с той же улыбкой — как будто знал, что я вернусь.

— Ванная — вторая дверь направо, — сказал он.

Я прошла, мечтая содрать эту ухмылочку с его лица. Ванная была с каменным полом и квадратной насадкой для душа размером с солнечную батарею. Я вздохнула и стянула шорты. Затем трусики — синие с черной резинкой, для бега. Запах — мускусный, кисловатый, с примесью соленого пота — поднимался от моей дырочки.

— Сам напросился.

Я положила трусики в карман и натянула шорты на голое тело. Алекс, когда я вышла из ванной, стоял у окна. Он повернулся, и его взгляд скользнул по моей груди вниз, на шорты. Кондей уже настолько охладил квартиру, что я поежилась.

— О... — сказал хозяин.

— Что? — немного с вызовом бросила я. — Я без трусов, как вы и просили. Можно теперь узнать о съемщике?

Алекс все смотрел на мою промежность, и я тоже невольно опустила голову — и вот тут поняла ошибку. Шорты были узковаты, и ткань — бежевый хлопок — врезалась прямо между половых губ, разделяя их, сжимая клитор, обрисовывая каждый контур, каждую складку моего тела. И там темнело влажное пятно размером с серебряный доллар. Смазка.

Я зажмурилась. Стыд накрыл меня горячей волной — затопил груди, шею, щеки, залил лицо краской. Я, Рейчел Кальдерон, бывший сержант 89-го экспедиционного батальона связи, стояла перед незнакомым мужчиной с мокрым пятном на шортах, возбудившись от того, что сняла труси-

ки. А мой муж, который изменил мне с собственным психиатром, похожим на пиранию, нарезал круги по тюремному двору. А я потекла, как сука.

— У меня есть шорты на смену, — сказал Алекс дружелюбно. Скрипнула дверца, раздались приближающиеся шаги. Что-то джинсовое ткнулось в мою руку. — Они унисекс. Должны подойти.

— Спасибо, — выдавила я и сжала ткань.

Алекс стоял слишком близко. Я чувствовала его запах, свой запах, и мои соски сжались, а клитор запульсировал в такт сердцу. Я злилась на себя за это. Злилась на Алекса за это тупое спокойствие.

— Не открывай глаза, — сказал он.

— Что? — Мой голос прозвучал хрипло.

— Доверься.

Я замерла. В голове пронеслась мысль: «Сейчас он сделает что-то извращенское». Раздался шорох, и я почувствовала тепло ладоней на своих ягодицах. А затем — давление спереди. Что-то твердое и упругое прошло по моим шортам, и мои половые губы уловили это сквозь ткань шортов. Снизу вверх. Медленно.

Я резко вдохнула, втянув воздух сквозь зубы.

— Остановлюсь, когда ты скажешь, — прошептал Алекс, и его дыхание коснулось полосы живота под футболкой — горячее, влажное.

Я ничего не сказала. Может быть, потому что впервые за

долгое время кто-то касался меня там. Может быть, потому что это было неправильно и от этого возбуждало еще сильнее. Может быть, потому что я просто устала.

Алекс повторил движение. Его горячий язык — теперь я была уверена, что это язык, — лизнул по шортам вдоль моих половых губ. Мой клитор набух и пульсировал, прижатый к ткани, и каждое движение языка посылало волны удовольствия. Я то ли простонала, то ли выдохнула дрожащий воздох.

— Что ты хотела узнать? — спросил приглушенно Алекс.

— Кто арендовал квартиру? — ответила я не своим голосом. — В районе двадцать пятого числа. Номер счета. Реквизиты. Что... ох же... что угодно.

Алекс что-то промышчал, но неразборчиво. Судя по его дыханию и легкому причмокиванию, он вылизывал мое пятно. Высасывал мою смазку из ткани шортов, как будто это было самое вкусное, что Алекс пробовал за всю жизнь. От этой мысли меня затошнило, но одновременно низ живота свело приятной судорогой. Главное было — не открывать глаза. Если бы я открыла глаза и увидела пятидесятилетнего мужика у своей дырочки, я бы тут же сбежала и выпрыгнула в окно.

Тем временем руки Алекса переместились с ягодиц на пояс шорт, нащупали пуговицу и молнию.

— Можно? — спросил он.

Я не ответила — не могла бы ответить даже за милли-

он доллар, — и молния поползла вниз с металлическим скрежетом. Стало как-то свободно, и шорты соскользнули к моим щиколоткам, холодный воздух коснулся моей разгоряченной промежности.

— Арендатора звали... — Алекс провел языком по моей левой половой губе, медленно, от самого низа до клитора, — ...какое-то французское имя. — Его язык обвел клитор по кругу, и я сжала зубы, чтобы не застонать. — Серж. Думаю, ненастоящее. Платил переводом.

Алекс погрузил язык в мое влагалище — глубоко, насколько это было возможно в таком положении, — и я всхлипнула. Ноги подкосились, и мне пришлось опереться рукой о стену. Чужой язык двигался внутри меня, собирая мою смазку, обводя стенки, и я едва стояла. Я думала о Риче. Как он когда-то делал то же самое на кухонном полу и как теперь трахал эту сучку Натали, которая уже год драла с нас по 150 баксов за консультацию; как бессмысленно смотрел в стену, сидя в оранжевой робе.

Чего сейчас было больше? Моей мести Ричу или удовольствия?

— Номер счета у меня сохранился, — проговорил Алекс, оторвавшись от меня на секунду, и его губы блестели от моей смазки — я знала это, даже не открывая глаз. — Я пришлю скриншот.

— Еще что-то? — выдохнула я.

— Ложись, — сказал он.

Я послушалась. Все еще зажмурившись, я медленно опустилась и оказалась на полу, на пушистом ковре. Он пах пылью и чем-то сладковатым. Я легла на спину и раздвинула ноги, и Алекс опустился между ними. Его язык нашел мою дырочку и принялся вылизывать мелкими круговыми движениями. Каждое отзывалось электрическим разрядом внизу живота.

Взвизгнула молния. Ширинка, догадалась я. Зашуршали брюки, скрипнула упаковка презерватива.

— Французский акцент, — донесся голос Алекса.

— Что? — не поняла я и едва удержалась, чтобы не открыть глаза.

— У него был французский акцент.

Шуршание силикона. Затем руки Алекса раздвинули мои ягодицы, и я почувствовала головку его члена — горячую, огненную — у входа в свое влагалище.

Он вошел. И я кончила.

Это случилось мгновенно, без предупреждения, как будто кто-то щелкнул выключателем. Мои мышцы сжались вокруг его члена в судорожном спазме, волна удовольствия прокатилась от промежности к груди, к горлу, и я закричала — сдавленно, сквозь стиснутые зубы. Даже сейчас, даже в этот момент, я помнила, что нахожусь в квартире незнакомого человека, а за стеной живут соседи.

Я содрогнулась так несколько раз. Выдохнула, вспомнила, кто я. Алекс все еще двигался во мне — медленно, раз-

меренно, далеко не достигнув своей кульминации. Я почувствовала, что могу кончить еще раз — это было то редкое состояние, когда первая волна оргазма не истощает, а подготавливает почву для следующей. Я подалась бедрами навстречу движениям Алекса. Его лобок терся о мой клитор, его член входил все глубже. Я почти была там — на самом краю второй волны, — когда раздался звонок в дверь.

Алекс замер.

— Извини, — сказал он и начал выходить из меня.

— Не останавливайся, — прошептала я. — Пожалуйста.

Он попытался продолжать, но звонок повторился — длинный, настойчивый, требовательный. Кто-то давил на кнопку так, словно от этого зависела жизнь.

— Я сейчас, — сказал Алекс и все-таки поднялся.

Я осталась лежать на ковре — голая, раскрытая, мокрая, чувствуя, как мое возбуждение пульсирует в груди и клиторе. Прозвучали шаги Алекса по коридору, лязгнула дверь.

— Здравствуйте, вы... — начал он, и тут что-то глухо хлопнуло.

Я резко открыла глаза. Этот звук нельзя было ни с чем перепутать — так стрелял пистолет с глушителем. И словно в подтверждение, раздался тяжелый грохот.

Тело.

Мое сердце остановилось на долю секунды, а затем забилось с такой силой, что я едва не вскрикнула. Адреналин хлынул в кровь, смывая остатки возбуждения, превращая

меня из размякшей и податливой лужи в сгусток мышц.

Сзади ванная. Окно слева. Кровать справа — за ней коридор.

Между ней и полом просвет — сантиметров двадцать, не больше.

Едва раздалися шаги, я перекатилась туда, чувствуя, как пыль и какой-то мусор прилипают к моей мокрой промежности, к животу, к груди.

Задержала дыхание.

Тяжелые шаги. Человек вошел в комнату и остановился. Из-под кровати я видела только ботинки — черные, на толстой подошве, с налипшей грязью. Он стоял в метре от меня и, видно, оценивал обстановку.

Я приготовилась. Если убийца наклонится, я вцеплюсь ему в лицо ногтями. Или выбью пистолет. Мои мышцы напряглись, и я почти хотела, чтобы человек присел.

Но нет — шаги переместились в ванную. Звякнула отодвигаемая шторка, зашумела вода.

Стихла. Шаги возобновились, ботинки мелькнули со стороны коридора и удалились в соседнюю комнату. Затем наступила тишина. Долгая, тягучая тишина, в которой я слышала только свой пульс.

Медленно, бесшумно — сказывалась армейская подготовка — я выбралась из-под кровати и переползла в ванную. Взяла фен, который мог бы послужить дубинкой. Увидела баллончик спрея-дезодоранта — схватила и его. Прижалась

к стене, выставив оба оружия вперед.

Минута. Две.

Я сообразила надеть и застегнуть шорты.

Пять минут. Тишина звенела в ушах.

Раздался звук входной двери. Я выждала еще минуту. Две. Три. Затем на негнущихся ногах вышла в прихожую.

Алекс лежал на полу. Пуля вошла ему в лоб чуть выше левой брови — аккуратное отверстие, вокруг которого запеклась кровь. Глаза были открыты и смотрели в потолок. Из-под головы по кафельным плиткам растекалась лужа — темно-красная, почти черная в тусклом свете прихожей. Мои кроссовки остановились в сантиметре от ее края и словно сами попятились назад.

Убийца Федерера неплохо так подчищал хвосты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.